

ЭНН ЭРНИТС (Тарту)

К ВЫЯВЛЕНИЮ СУБСТРАТА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. П. Аристе впервые (1959) установил наличие в прибалтийско-финских языках субстратных слов, имеющих либо т. н. протоевропейское, либо раннеиндоевропейское происхождение (Ariste 1959; 1961; 1970; 1978; список остальных работ см. Rätsep 1978 : 9). Недавно Х. Рятсеп (Rätsep 1978 : 9—11) представил несколько протоевропейских слов в эстонском языке. Упомянутые авторы высказали и некоторые соображения по поводу структуры этих исчезнувших языков, носители которых жили на территории нынешней Эстонии до заселения ее финно-угорскими племенами.

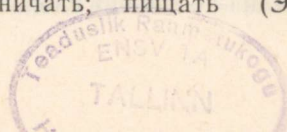
1.1. При изучении субстратных слов в прибалтийско-финских языках до сих пор не применялся статистический анализ. Наши соответствующие исследования имеют предварительный характер, поскольку прибалтийско-финские слова привлекались неполностью.

Уже при поверхностном рассмотрении субстратных слов обращает на себя внимание относительно большая частота сочетаний *r* с другими согласными (*rC* и *Cr*): *koger* (< **kokr-*) 'карась', *kõrv* 'ухо', *kärp* 'горноста́й', *mäger* (< **mäkr-*) 'барсук', *org* 'долина', *põder* (< **petr-*) 'олень' и *saarmas* 'выдра', т. е. в 12% из 58 лексем (см. табл. 1). Зато в словах уральского происхождения (см. Основы 1974 : 398—405) *rC* и *Cr* отмечаются лишь в одном случае — в праформе **nVrkV* 'береза'.

Изучение финно-угорской и финно-пермской лексики проводилось по трем вариантам. Во-первых, была установлена частота *rC* и *Cr* в списке финно-угорских слов по Основы 1974 : 411—424. Сочетания *rC* и *Cr* отмечаются в следующих праформах: **kirkkV* 'внутренности', **perkV* 'червь', **šurwV* 'колоться', **šVkrV* 'волос' и **turpa* 'губа'. При этом не учитывались такие явные индоевропейские заимствования, как **kärtV* 'железо', *šorwa* 'рог' и др. Во-вторых, частота *rC* и *Cr* исследовалась по списку в КЭСК, причем в одном случае статистическому анализу подвергались слова, этимологии которых установлены более или менее надежно, во втором случае привлекались и слова с этимологиями, в какой-либо степени вызывающими сомнения.

Поскольку процент уральских и финно-угорских слов с *rC* и *Cr* можно считать незначительным, при дальнейшем пристальном рассмотрении, вероятно, какая-то часть из них окажется заимствованиями. Так, коми *opd* 'у, при', мар. *õрдыж* 'бок' и другие возводятся к ф.-у. **ertä*-или **erttä* (КЭСК 206). Не исключено, что они представляют собой более древние заимствования из индоевропейских языков, почерпнутые в период до перехода *e* в *a* в индоиранских языках.

Звукосочетания *rC* и *Cr* часто наблюдаются в ономастопоэтических словах: фин. *kaarne* 'ворон' (КЭСК 154), эст. *nirguma* 'говорить плаксивым голосом', коми *ниргыны* 'капризничать; пищать' (Эрнитс

1976 : 200), фин. *parkua* 'кричать; шуметь', коми *паргыны* 'жужжать; болтать' (КЭСК 216—217). Коми *горда* 'кряква (утка)', саам. *kurte* 'полярный голубь' и т. д. считается словом финно-угорского происхождения (КЭСК 78). Это верно, но следует отметить его возможное звукоподражательное начало (ср. рус. *кряква*, эст. *prüäks*).

Таблица 1

Частота *rC* и *Cr* в разных слоях лексики прибалтийско-финских языков и в санскрите

Лексический слой или язык	<i>rC</i>		<i>Cr</i>		Всего		
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	
Уральский	150	—	—	—	—	—	
Финно-угорский и финно-пермский (по КЭСК)	821	11	1,3	—	—	11	1,3
(по Основы 1974)	176	4	2,3	1	0,6	5	2,9
(по КЭСК, включа- ющая сомнительные этимологии)	821	24	2,9	2	0,2	26	3,1
Германский	42	3	7,1	1	2,4	4	9,5
Прибалтийско-финский	85	5	5,9	5	5,9	10	11,8
Протоевропейский	58	4	6,9	3	5,2	7	12,1
Славянский	47	7	14,9	1	2,1	8	17,0
Балтийский	61	9	14,8	2	3,3	11	18,1
Раннеиндоевропейский и индоевропейский субстратный	12	3	25,0	1	8,3	4	33,3
Санскрит	226	52	23,0	5	2,2	57	25,2

При изучении прафинно-угорской лексики в прибалтийско-финских языках необходимо учитывать основы на согласные. По мнению исследователей, они восходят к финно-угорскому праязыку и предполагаемые прибалтийско-финские основы на **-e* спекулятивны (Вийтсо 1973; Ganschow 1975), например, в словах эст., фин. *veri* 'кровь', фин. *keri* 'новая кора березы'. К таким основам на согласные непосредственно присоединились морфологические показатели (например, фин. *ver-tä* парт. от *veri*) и деривационные суффиксы. Так, эст. *kirme* 'тонкий слой', фин. *kerma*, *kirma* 'сливки; тонкий слой' от основы **ker-* с помощью диминутивного суффикса (Эрнитс 1976 : 199). Вероятно, таким путем возникло и эст. *verme* 'красная полоска или рана' (из **ver-* 'кровь').

Любопытно отметить, что многие финно-угорские слова с *rC* и *Cr* имеют соответствия в т. н. ностратических языках. Фин. *purkaa* 'сносить; свалить', коми *пуркӧдны* 'вздымать снег или пыль' и т. д. возведены к финно-угорскому лексическому фонду с праформой **pVrkka* (КЭСК 233). Сходная форма имеется и в индоевропейских языках, например, рус. *буря*, осет. *burdaen* 'метель' и лат. *furo* 'неистовствую' (Абаев 1958 : 273). Можно добавить, что одним из значений фин. *purkaa* является 'излить гнев'. Кроме того, данной основе найдены соответствия в других семьях языков (Иллич-Свитыч 1967 : 332). К ностратическим отнесены и эст. *kurk* 'горло', *perse* 'tergum', *murdma* 'ломать' и др.

Для исследования прибалтийско-финского лексического слоя и германских, балтийских и славянских заимствований были использованы списки слов по Laanest 1975 : 209—212, 215—217, 219—220, 223—225. Основой установления встречаемости *rC* и *Cr* в субстратных словах послужили работы П. Аристэ и Х. Рятсепа. Для сравнения наугад брались санскритские слова на букву *k* из Барроу 1976 : 383—385.

Анализ позволяет сделать следующие выводы.

1.1.1. Встречаемость rC и Cr в финно-угорском языке была невысокой (1,3—3,1%). Возможно, что при детальном рассмотрении по меньшей мере часть слов с rC и Cr окажется какими-нибудь заимствованиями.

1.1.2. Довольно значительный процент (около 12) слов с rC и Cr регистрируется в прибалтийско-финском лексическом слое, что говорит в пользу неустановленных заимствований и субстратных слов.

1.1.3. Наиболее часто rC и Cr наблюдаются в раннеиндоевропейских и индоевропейских субстратных словах прибалтийско-финских языков (свыше 30%), что приблизительно равняется соответствующему показателю в санскрите (25%).

1.1.4. По сравнению с прафинно-угорской лексикой относительно часты rC и Cr в других заимствованиях и протоевропейском субстрате (9,5—18%).

1.1.5. Наличие рассматриваемых звуко сочетаний, в частности Cr , в финно-угорских языках служит существенным критерием для определения в них заимствований и субстрата.

1.1.6. Поскольку частота rC и Cr прибалтийско-финских слов заметно превышает таковую в лексике прафинно-угорского фонда, следовало бы еще раз тщательно изучить, элиминируя все возможные индоевропейские субстратные слова, заимствования, древние дескриптивные слова и т. д., а затем осторожно проанализировать, не относится ли то или иное слово к протоевропейской лексике.

1.1.7. Априорно можно предположить, что субстратом в прибалтийско-финских языках являются эст. *märg* 'мокрый' (стоящее, может быть, в какой-то связи с *meri* 'море'; об этом слове см. еще Иванов 1978 : 162), *Narva* < **narva* 'водопад, порог', фин. *norppa* 'тюлень', эст. *pärn* 'липа', *Pärnu* и др.

1.2. Начальный h прибалтийско-финских языков восходит к \check{s} или $\check{š}$, hC и Ch , к kC , $\check{s}C$ или $C\check{s}$. Фонетический сдвиг $*\check{s}$, $*\check{š} > h$ произошел и в протоевропейских словах прибалтийско-финских языков. Влияние субстрата здесь не обнаруживается, поскольку данное изменение возникло сравнительно поздно, после появления балтийских заимствований.

В результате предварительного статистического анализа выявлено (см. табл. 2), что по сравнению со словами финно-угорского происхождения встречаемость анлаутного h и инлаутного h -ого сочетания в субстратных словах примерно в 3 раза выше. В отличие от сочетаний rC и Cr существование превратившихся в h -овые сочетаний не подлежит сомнению, однако различная частота позволяет уделить им большее внимание для того, чтобы выявить заимствования и субстратные слова.

Таблица 2

Встречаемость h в прибалтийско-финских языках

Слой лексики	Количество слов	h		hC	
		Количество	%	Количество	%
Финно-угорский	821	34	4,1	18	2,2
Протоевропейский	58	8	13,8	4	6,9

В одном субстратном слове, а именно *ahven* 'окунь', обнаруживается сочетание hv (< $\check{s}v$). По нашему мнению, оно вряд ли наличествует в исконно финно-угорской лексике. В эст. *kehv* 'убогий' и т. д. оно воз-

никло вследствие метатезы (Kask 1972 : 99). Можно наблюдать его и в поздних заимствованиях (*kohv* (<f) 'кофе').

Следует учитывать, что *h* и *h*-овые сочетания бытуют в ономатопоэтических словах, например, эст. *kahisema*, *kohisema*, *kõhvima*, *kohvatama* и т. д. На образование подобных лексем прибалтийско-финских языков могли оказать влияние протоевропейские языки (Rätsep 1978 : 10).

По нашему мнению, к протоевропейскому субстрату относятся эст. *hobine* (фин. *hevonen*) 'конь, лошадь', *kihv* 'клык', *õhv* 'телка' (первоначально 'молодая самка?', ср. также Хаузенберг 1972 : 72—73) и др.

2.1. Уже давно лингвисты интересуются субстратной топонимикой Прибалтики. По их данным, на территории нынешней Литвы и Латвии наличествует определенный пласт финно-угорских географических названий (о соответствующей литературе см. Ванагас 1975 : 404). Такие изыскания оправданы, поскольку и археологи признают продвижение носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, т. е. финно-угорских племен, по этой территории вплоть до нынешней Белоруссии и Польши (Jaanits 1974 : 229).

Как известно, в случае топонимов выяснение этимологии представляет большие трудности. Эту работу можно сравнить с решением $x + y = z$ при помощи одного лишь уравнения: ведь мы имеем фонетический облик (одно и единственное уравнение), но обычно отсутствуют семантические данные. Поэтому трудно судить о правильности полученных результатов. Все-таки кажется, что следующие топонимы Литвы, представленные А. Ванагасом (1975 : 405) как финно-угорские, имеют иное происхождение.

2.1.1. Литов. *Jarà* — фин. *järvi*. Следует отметить предположение о том, что пбф. **jarva* 'озеро' относится к балтийским заимствованиям (Tagvel 1979 : 31—32).

2.1.2. Литов. *Sikià* — эст. *Sikani*; *sikk* 'козел'. Однако эстонский апеллятив является относительно поздним заимствованием из нижненемецкого языка (Liip 1964 : 63).

2.1.3. Литов. *Suojà* — кар. *Шуо-ярви* 'Болотное озеро'. В карельском языке переход $s > š$ — довольно поздний процесс. По нашему мнению, поздние языковые изменения не следует относить в прошлое. См. также литов. *Suojjys* (2.3.2).

2.1.4. Литов. *Uvèda* — эст. *U(u)eda*. Эстонский топоним — позднее преобразование *Uuetoa* 'Новая комната или хутор' (Pall 1969 : 259). Эта топонимическая модель не имеет, видимо, давних традиций.

2.2. При оценке принадлежности того или иного литовского географического названия к прибалтийско-финским языкам важную роль играют эстонские и другие соответствия, которые восходят к финно-угорскому праязыку. К сожалению, в рассматриваемой части топонимики их мало. Соответствия литов. *Naidũ* *ẽžeras* — ф.-у. *Нойда* 'колдун' и литов. *Piladis* — эст. *pihlak(as)* 'рябина' (Ванагас 1975) уже сам сопоставитель считает сомнительными.

2.3.1. Первые обитатели нынешней Эстонской ССР пришли с юга. Область распространения кундаской культуры охватывала всю Прибалтику (Jaanits 1974 : 227, см. карту), поэтому целесообразно в топонимике Литвы, Латвии и Эстонии, а также в лексике искать такие общие слова, которые не имеют удовлетворительной этимологии ни на финно-угорской, ни на индоевропейской почве.

2.3.2. Литов. *Suojjys*, *Suoja* — фин. *suo*, эст. *soo* 'болото'. По Ariste 1971 : 256, эстонское слово принадлежит к протоевропейскому субстрату.

2.3.3. Литов. *Pernavà, Pérnokė* — лив. *Pern-jõgi*. Вероятно, сюда примыкает и эстонское название реки и города *Pärnu* (устар. рус. *Перново*). Как известно, окрестности р. Пярну заселены уже с давнейших времен. В юго-западной части Финляндии находится *Perniö*, название которого связывают с поздними эстонскими переселенцами. По нашему мнению, и этот топоним, как и предыдущие, можно возвести к субстрату, ибо представители кундаской культуры дошли до этой местности (Jaanits 1974 : 227, см. карту). Не исключено, что упомянутые географические названия связаны с эст. *pärn* 'липа', не имеющим соответствий вне прибалтийско-финских языков. При них отмечается сочетание с *r* (см. 1.1).

2.3.4. В IV в. до н. э. Питей упоминал месторождение под названиями *Metonomon, Metuonis* и *Mentonomon*, которые сопоставляются с пбф. *Mäntüneeme-* или *Mäntünimmo-* (Masing 1975 : 86—87). Эст. *neem* 'мыс' и *põmm* (фин. *nummi*) 'песчаная местность' считаются субстратными словами (Ariste 1971 : 256). В случае правильности их сопоставления лишний раз подтверждается отношение названия Немана к субстратной топонимике (конечно, нефинно-угорского происхождения).

2.3.5. Полагаем, что более пристального внимания заслуживают следующие приведенные А. Ванасом литовско-эстонские географические названия: литов. *Kõrbis* — кар. *Korba, Korbo* (ср. также эст. *kõrb* 'дремучий лес') литов. *Rujà*, литов. *Lõjus* — эст. *Loja* (ср. Kallasmaa 1978 : 252—253).

3.1. Субстратный слой лексики прибалтийско-финских языков содержит некоторые названия животных.

До заселения финно-уграми восточной Прибалтики на этой территории встречалось довольно много лошадей. Фин. *varsa*, эст. *vars* 'жеребенок' и т. п. считается субстратным словом, восходящим к индоевропейским языкам (Ariste 1978 : 7). Следует признать, что прибалтийско-финское название лошади (фин. *hevonen*, эст. *hobune*, вод. *epene* и др.) не имеет соответствий в других группах финно-угорских языков. Правда, в свое время Э. Сетяля (1915) попытался связать его с мар. *tsama, tsoma*, коми *tšán* и удм. *чуньы* 'жеребенок' (цит. по Palmeos 1955 : 98). В последнее время это сопоставление, очевидно, из-за неприемлемости даже не упоминается (см. КЭСК 301; Хаузенберг 1972 : 115—116).

В литовском языке существует лексема *šebelka* 'кобыла; старая кляча', которая считается заимствованием пбф. **šepo* 'лошадь' (Ojansuu 1921). Попытки сопоставления литовского слова с рус. *кобыла* несостоятельны (Фасмер 1967 : 269).

Учитывая территорию расселения представителей кундаской культуры и отсутствие признанной этимологии прибалтийско-финского названия лошади, представляется возможным отнести литовское и прибалтийско-финское названия лошади к субстратным образованиям, заимствованным из одного и того же источника, т. е. из протоевропейских языков.

3.2. К субстратному лексическому слою прибалтийско-финских языков отнесено эст. *saarmas* 'выдра' (Rätsep 1978 : 10). В говорах эстонского языка название выдры имеет много вариантов: *saarmu, saarva, sabarm, sabarmu, sagermas, savarmu, savermu* (Univere 1975 : 46; Wiedemann 1973 : 1015). Лексеме типа *sagerm-* соответствует кар. *sagarmo* и *šagarvo* (Русско-карельский словарь 1975 : 29) и вепс. *sagarm* и *sagarvo* (Зайцева, Муллонен 1972 : 494). Установив два основных варианта, можно возвести их к 1) **sagarm-* (< **saka-*) и 2) *saßarm-* (< **sapa-*).

Две сходные, но не идентичные праформы позволяют предположить их дескриптивный характер. В эстонском языке имеется *sagama* 'viel sprechen; geräuschig sein; sich stark bewegen; hin und her laufen' (Wiedemann 1973 : 996), ср. также *sagima*. С ними, по всей видимости, сопоставимы лексемы типа *sagarm-*. Существуют эст. *sabima* 'baddeln, scharren; eilig arbeiten' (ср. также *sebima*, *sibama* и др.), вепс. *šabaita*, *šobaita* 'шуршать; копошиться, возиться с чем-либо' (Зайцева, Мулло-нен 1972 : 541), которые можно связать с названием выдры типа *sabarm*. Прибалтийско-финские названия выдры не вызывают возражений и в семантическом плане. В фин. *saurō* предполагается связь с *saura* 'emsig' (Mägiste 1928 : 106). Исходными значениями коми *чув*, *чул* 'выдра' считаются 'остромордый; юркий, подвижной, ходкий' (КЭСК 312; Хаузенберг 1972 : 55). Подобное семантическое развитие явствует и из наших сопоставлений.

Элемент *-rm-* представляет собой деривационный суффикс, происхождение которого не имеет удовлетворительного объяснения (Univerge 1975 : 46—47). Поэтому считаем, учитывая при этом и сочетание с *-r-* (см. 1.1), что он является субстратным формантом.

Следовательно, тем, что прибалтийско-финские названия выдры представляют собой дескриптивные слова (ср. Rätsep 1978 : 10) + неприбалтийско-финский суффикс, подтверждается принадлежность к протоевропейской субстратной лексике.

4. Влияние языка-субстрата должно отражаться в разных языковых сферах (Серебренников 1973 : 152). В нашей работе затронуты некоторые фонетические особенности субстратной лексики прибалтийско-финских языков, выявлено несколько субстратных лексических и топонимических единиц, а также один субстратный деривационный суффикс. Остается надеяться, что в дальнейшем картина строения протоевропейских языков, оказавших большое влияние на развитие прибалтийско-финских языков, будет существенно дополнена.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1958, Историко-этимологический словарь осетинского языка I, Москва—Ленинград.
- Аристе П. 1978, Прибалтийско-финские и иранские контакты. — *Fenno-ugristica* 5. *Urali keelte grammatiline ehitus*, Tartu (TRÜT 456), 3—10.
- Барроу Т. 1976, Санскрит, Москва.
- Ванагас А. 1975, К проблеме финно-угорского субстрата в литовской топонимии. — *SIFU* III, 404—405.
- Вийтсо Т.-Р. 1973, О некоторых прибалтийско-финских фонологических правилах и прафинно-угорских именных **e*-основах. — *СФУ* IX, 91—98.
- Иванов В. В. 1978, Разыскания в области анатолийского языкознания 3—8. — *Этимология* 1976, Москва, 153—162.
- Иллич-Свитыч В. М. 1967, Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — *Этимология* 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам, Москва, 321—373.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972, Словарь вепского языка, Ленинград.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974, Москва.
- Русско-карельский словарь. Сост. Г. Н. Макаров, 1975, Петрозаводск.
- Серебренников Б. А. 1973, Методы лингвогеографических исследований. — *Методы лингвистических исследований*, Москва, 120—167.
- Фасмер М. 1967, *Этимологический словарь русского языка II*, Москва.
- Хаузенберг А.-Р. 1972, Названия животных в коми языке (Сравнительно-исторический анализ), Таллин (Академия наук Эстонской ССР. Институт языка и литературы).
- Эрнитс Э. 1976, Пермские этимологии. — *СФУ* XII, 197—203.
- Ariste, P. 1959, *Läänemerelaste vanast merevaigu nimetusest*. — *Etnograafia Muuseumi aastaraamat* 16, Tartu, 211—218.
- 1961, *Natuke tarvast*. — *Eesti Loodus* 4, 253—254.
- 1970, *Kas kabrist ei võiks velmata?* — *Eesti Loodus* 8, 459—460.

- 1971, Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen. — СФУ VII, 251—258.
- Ganschow, G. 1975, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen Nominalstämme (gekürzte Fassung). — CIFU III, 72—77.
- Jaanits, L. 1974, Über die gemeinsame archäologische Kultur der ostseefinnischen Stämme. — СФУ X, 225—237.
- Kallasmaa, M. 1978, Über die Beziehungen zwischen Ortsnamen und Apellativen. — СФУ XIV, 250—257.
- Kask, A. 1972, Eesti keele ajalooline grammatika I. Häälikulugu, Tartu.
- Laanest, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn (Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja Kirjanduse Instituut).
- Liin, H. 1964, Alamsaksa laensõnad eesti vanimas kirjakeeles. — Töid eesti filoloogia alalt I, Tartu (TRÜT 162), 32—74.
- Masing, U. 1975, *manner* ja *merevaik*. — Sõnasõel 3. Uurimusi ja materjale eesti keele sõnavara alalt, Tartu, 79—92.
- Mägiste, J. 1928, *oi-*, *ei-*deminutiivid läänemeresoome keelis. Läänemeresoome nominaaltuletus I, Tartu.
- Ojansuu, H. 1921, Lisiä suomalais-balttilaisiin kosketuksiin, Helsinki (Suomi IV : 201).
- Pall, V. 1969, Põhja-Tartumaa kohanimed I, Tallinn.
- Palmeos, P. 1955, Eesti koduloomade nimedest. — ESA I, 97—117.
- Rätsep, H. 1978, Eesti keele sõnavara ajaloo põhiprobleeme. — Töid eesti filoloogia alalt V. Eesti keele sõnavara probleeme, Tartu (TRÜT 460), 3—14.
- Tarvel, E. 1979, Järvamaa alguloost. — KK, 31—35.
- Univere, A. 1975, Lisandeid *mu-*sufiksi ajalool. — ESA XXI, 43—49.
- Wiedemann, F. J. 1973, Eesti-saksa sõnaraamat, Tallinn.

ENN ERNITS (Tartu)

ZUR FESTSTELLUNG DES SUBSTRATES IN DEN OSTSEEFINNISCHEN SPRACHEN

Mittels statistischer Analyse wird festgestellt, daß die Frequenz der inlautenden Lautverbindungen mit *r* (*Cr* und *rC*) in Substratwörtern (auch in Entlehnungen) beträchtlich höher als in genuinen Wörtern uralischer und finnougri-scher Herkunft ist. Diese Erscheinung kann nach der Eliminierung der konsonantstämmigen und deskriptiven Wörter als Kriterium für die Feststellung des Substrates und der Entlehnungen dienen. Das gilt auch in bezug auf die Wörter mit an- und inlautenden *h*-Verbindungen.

Das Vorhandensein einiger gemeinsamer Ortsnamen im Gebiet des Baltikums dürfte ein zufälliges Zusammentreffen sein. Demgegenüber bestätigen einige von gemeinsamen Toponymen in Litauen und Estland, wie *Suojys* ~ *Soojäro*, *Pernavá* ~ *Pärnu* u. a. die Ansicht der Archäologen, nach welcher die Träger der Kunda-Kultur auf das Territorium Estlands aus den südlichen Teilen des Baltikums eingewandert sind.

Die Substratschicht der ostseefinnischen Lexik enthält viele Zoonyme, u. a. die Bezeichnungen für Pferd (est. *hobune*, finn. *hevonen*) und für Fischotter (est. *saarmas*, kar. *sagarmo*). Die letztgenannten Bezeichnungen sind ursprünglich aus den deskriptiven Verben entstanden (vgl. est. *sagama*, weps. *šabaita*). *-rm-* mag ein substrates Ableitungssuffix sein.